УДК 930(091);930(092)

«ЛИТЕРАТУРА МЫСЛИ» И «ЛИТЕРАТУРА ЧУВСТВА» (К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ВЗГЛЯДОВ Г.С. БАТЕНЬКОВА)

В.Д. Юшковский

Томский государственный университет
E-mail: Jushkovsky@VNK.tomsk.ru

Исследуются «пути к книге», читательские интересы и пристрастия декабриста Г.С. Батенькова, показаны духовный поиск и его отношение к просветительской традиции.

Начало александровской эпохи отмечено было небывалой жаждой новой духовности и новых знаний, что обусловило глубочайший интерес к литературе, философии, истории общественной мысли и собственной, отечественной истории. Просветительские идеи западных гуманистов проникали в Россию, оказывая на ищущие умы неоспоримое влияние, поскольку несли в себе мощный интеллектуальный и духовный заряд, и поскольку были по-настоящему востребованы. Благие семена просветительства падали на хорошо подготовленную, «взрыхленную» историческими событиями почву. Книга становилась важнейшим инструментом познания, печатное слово открывало дорогу в мир великих идей, сложных духовных поисков, напряженных переживаний.

Выросла роль всякого слова, печатного и устного, в формировании мировоззренческих установок и личной гражданской позиции. «Для просветителя XVIII века в начале было слово, – отмечал Ю.М. Лотман, – Для декабриста слово было и началом, и венцом, и импульсом к историческому действию, и его высшим смыслом» [1. С. 339]. Отсюда такое стремительное развитие кружков, салонов, клубов, где обсуждались события общественной и культурной жизни. Отсюда особое отношение ко всякого рода издательской продукции – художественным произведениям, философским трактатам, научным статьям. Книга становится средством воспитания: обширные по тому времени и разнообразные домашние книжные собрания упоминаются во многих мемуарах. Михаил Бестужев, говоря об отце, подчеркивал, что он был «человек весьма просвещенный» и собрал в своей библиотеке «всё, что только появлялось на русском языке примечательного ...» [2. С. 12].

Но ситуация, когда любовь к литературе объяснялась влиянием среды и условиями воспитания, не исчерпывала всех путей к книге. Показательней примеры, когда устойчивая связь с литературой возникала словно бы «из ниоткуда», когда молодые дворяне приходили к пониманию важности книги под влиянием времени, ощущая потребность в самореализации и саморазвитии. Так было у Г.С. Батенькова, выросшего в бедной дворянской семье, где влияние отца, отставного унтер-офицера, было неоспоримо, но ограничивалось сферой религиозного чувства. И тем не менее, потребность в знаниях сознавалась Г.С. Батеньковым уже в ранние годы, «алчность к собранию данных развилась во мне постепенно» [3. С. 89], вспоминал он. Хотя обстоятельства тому мало способствовали: скудная просветительская нива Тобольска основательно питать ростки самопознания была не способна. Даже в столице не хватало книг, и там «купечество ничего не читало, среднее сословие читало мало, а аристократия читала исключительно иностранные книги» [4. С. 91].

Незначительный выбор книг, однако, не препятствует углубленному самообразованию: читать много, полагает Г.С. Батеньков, менее важно, чем читать вдумчиво, повинуясь осознанной потребности в печатном слове. Поэтому «рано получаемые общие понятия» для него «имеют пользу как жиз-

ненные зародыши развития и направления ума», они «рано делают философом» [3. С. 101]. Самостоятельно постигнув грамоту, Г.С. Батеньков показывает недюжинные способности, его отдают обучаться в монастырь, но уроки грубого невежественного монаха проходят даром. Настоящими учителями, как видно из воспоминаний, становятся родственник матери священник Гиганов и тобольский учитель Сейфулин, под руководством которого Г.С. Батеньков осваивает татарский язык. Круг чтения будущего декабриста, стоит отметить, складывается под влиянием общих вкусов: он читает в детстве «живительные» сочинения Н.М. Карамзина. Подобно многим, «восторгается и парит с Державиным, и находит ближе к сердцу Дмитриева, Богдановича, Долгорукова» [3. С. 99].

Главной же книгой, с которой Г.С. Батеньков, научившись читать, не расставался всю жизнь, была Библия. Воспитываясь в семье с крепкими патриархальными устоями, где подлинное, не показное благочестие ценилось превыше всего, Г.С. Батеньков с детских лет проявлял интерес к религиозной литературе. Истинному христианину, внушали ему, подобает иметь при себе Писание и обращаться к нему постоянно, чтобы сохранять душевное равновесие и чистоту сердца. Но Г.С. Батеньков, с его пытливым умом и жаждой познания, подходит к Библии еще и как мыслитель, стремится проникнуть в тайны «священного слова», в глубинный смысл евангельских текстов. Писание становится для него универсальной, всеобъемлющей книгой, и в этом понимании он сходится с А.С. Пушкиным, который полагал, что «Библия для христианина то же, что история для народа» [5. С. 113]. Сходным образом трактовали Книгу книг и масоны, среди которых вполне закономерно оказался Г.С. Батеньков.

Библия для масонов была источников мистических откровений, основой мировоззрения, она вдохновляла поэтическое творчество: из Ветхого Завета «вольные каменщики» черпали идеи и образы. «Псалмы для них, – писал В.И. Сахаров, – стали школой религиозной поэзии, философской оды, образцом величественного поэтического цикла» [6. С. 50]. Глубокое погружение в мир религиозных переживаний не мешало, однако, воспринимать свойственные эпохе философские построения. Г.С. Батеньков внимательно изучает немецких идеалистов Канта и Шеллинга, постигает учение знаменитых энциклопедистов, пополняет свою библиотеку книгами Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескье. Знакомится с сочинениями Юма, Декарта, Рейналя, читает произведения Лесажа, Шатобриана, Ларошфуко. Его читательские пристрастия соответствуют времени – те же книги отвечали духовным запросам других декабристов, высокий образовательный уровень которых неизменно обращал на себя внимание.

Князь Е.П. Оболенский, отвечая Следственному комитету о причинах, повлиявших на развитие в нем либеральных идей, указывал важность бесед, личных наблюдений и чтения книг. «Какие же в особенности книги действовали на мой образ мыслей, – добавлял он, – поистине сказать не могу, ибо чтение мое довольно разнообразно ...» [7. С. 214]. Действительно, трудно было выделить не только автора, но даже направление мысли, которое оказало бы решающее воздействие на умонастроение молодых просвещенных дворян. Зато в сфере эстетического такое направление просматривалось отчетливее: увлечение романтизмом, в той или иной мере, было свойственно едва ли не всем представителям «мечтательной» вольнолюбивой молодежи. Не избежал этого увлечения и Г.С. Батеньков. Но если «литература мысли» сводилась для него, преимущественно, к зарубежным источникам, то «литературу чувства» представляли, главным образом, отечественные книги.

Оказавшись в г. Томске, молодой инженер ищет единомышленников, и в кругу их читает баллады В.А. Жуковского, а над сентименталистами теперь добродушно иронизирует, забавляясь «Лизами с кузовками», которые плетут из цветов свои бесконечные «венки и гирлянды» [8. С. 92]. Г.С. Батенькову близко романтическое восприятие действительности, созвучны духовные поиски русских романтиков, он разделяет стремление к «идеальной духовности». В.А. Жуковский для него – воплощение доброты, познакомиться с поэтом Г.С. Батеньков желает «не из тщеславия, но по склонности любить добрых» [8. С. 94]. И что особенно важно, его подкупает искреннее религиозное чувство поэта, ему открывается, что «романтизм по самой своей сути генетически близок религии» [9. С. 3], а значит, выражается, чаще всего, в ясно очерченном пространстве религиозного мировосприятия. «Романтик Батеньков ... ставит свой главный акцент на абсолютных, вневременных ценностях» [9. С. 36].

Художественные романтические образы, масонские символы, евангельские притчи переплавляются в возвышенные идеи, создают внутренний мир, который противопоставлен «суете сует», обыденному миру с его пороками и недостатками. Потребность в литературе, питающей эти образы, ощущается чрезвычайно остро. Но для инженера Г.С. Батенькова известные философские и художественные сочинения, при всей их важности, не заслоняют другой пласт литературы: ему так же важны книги научного содержания, словари, руководства, пособия, справочники. И в этом, как в нерасторжимой связи с Писанием, сказывалась особенность читательских интересов декабриста. Знания сами по себе, без практического применения, мертвы. «Знать и уметь – две совершенно разные вещи», – убеждал И.Д. Якушкин, и сокрушался, что «у нас до сих пор мысль и знание не имеют того почета, каким пользуются на Западе» [10. С. 401]. И Г.С. Батеньков, как специалист, стремился к тому, чтобы разрыв между словом и делом, решением и поступком, знанием и реальным их применением не был ощутим.

Он осваивает специальную литературу, вчитываясь в научные труды с тем же вниманием, с каким изучает философию. Интеллектуальная работа

нравится ему не меньше практической. Она поддерживает в нем «пылкое воображение и чрезвычайную память», развивает, как видно из писем, «логическую способность и умение приводить мысли в систему». «Можно сказать, – пишет Г.С. Батеньков, – что...всякое познание имеет у меня определенное место и ... относится к прочим, как звено к непрерывной цепи» [8. С. 113]. В этой цепи знаний прочны все звенья: математика, статистика, механика. Точные науки и специальные предметы тоже входят в «литературу мысли», но Г.С. Батеньков расчетлив в выборе чтения, ему не свойственно слепое преклонение перед печатным словом, которое, как полагают, отличает натуры мечтательные. «Прочитанное в книге воспринималось» ими, «как непогрешимая истина» [11. С. 25], а Г.С. Батеньков, оставаясь «мечтателем», сохранял здравомыслие и независимость суждений.

Именно образованность Г.С. Батенькова, необыкновенная для сибиряка начитанность, склонность к анализу и привлекли Сибирского генерал-губернатора. Лишь такой просвещенный человек, как М.М. Сперанский, который «хорошо разбирался в вопросах математики, словесности ... обладал большими познаниями в области истории и философии, читал Декарта, Локка, Лейбница, Канта, Шеллинга» [12. С. 67], мог оценить степень познаний тобольского инженера. Перед М.М. Сперанским в середине 1819 г. предстал молодой человек с вполне сформировавшимся взглядом на мир, который заметно выделялся из своей среды умом и дарованием, в котором «поражала ... его исключительно широкая начитанность» [13. С. 15]. В жизни Г.С. Батенькова начинается новый важный период: его волнует уже не строительство мостов и благоустройство улиц, его заботят вопросы государственного устройства, реформирования края. «Батеньков-идеалист превращается в практика, субъективно-моральные настроения уступают в нем общественным интересам» [13. С. 15].

С этого времени потребность в чтении, без того основательная, получает у Г.С. Батенькова новую мотивацию. «Под руководством Сперанского он начал изучать право и приобрел большие познания в области государства, права, законодательства» [9. С. 118]. Оказавшись в Петербурге, одаренный, деятельный сотрудник М.М. Сперанского окунается в литературную жизнь, посещает театры, великосветские салоны, следит за журнальными спорами, много читает, пополняя книжное собрание. Интересы его в эту пору изумительно обширны, «он интересуется раскопками раннеславянских городищ, увлекается Байроном, следит за последними новинками отечественной литературы, изучает и переводит из иностранных журналов технические статьи, редактирует для грамматики Н.И. Греча таблицы спряжений» [14. С. 331]. И всё эти интересы, пристрастия, увлечения находят отражение в довольно большой, со вкусом подобранной библиотеке, о которой мы узнаем благодаря описи книг, сделанной после ареста декабриста в январе 1826 г.

«Список книг Батенькова ... очень любопытен. Все книги разбиты в нём прежде всего на русские и французские. Русских названий 173 в 456 томах, а иностранных названий 211 в 442 томах» [15. С. 18], – отмечал Г.М. Котляров, который первым опубликовал документы, касающиеся книг и вещей арестованного декабриста. Однако в полном виде опись библиотеки Г.С. Батенькова увидела свет почти семьдесят лет спустя, благодаря стараниям томского исследователя В.В. Лобанова. Он попытался воссоздать оба книжных собрания «знаменитого несчастливца», петербургской и томской поры, снабдив публикацию «библиографически точным описанием изданий» [16. С. XII]. Даже беглое ознакомление с перечнем книг, вошедшим в полную опись, дает представление о том, как широки и разносторонни были познания Г.С. Батенькова. Читательские интересы его весьма показательны, ведь «выбор книг характеризует человека. Простой их каталог ... выразителен» [17. С. 508].

Г.С. Батенькова, мы видим, интересует всё, что способно хоть в какой-то мере обогатить представление об окружающем мире, расширить кругозор. Значительную часть раздела «Российские книги» составляют специальные издания, книги по механике, гидравлике, военному искусству и фортификации, артиллерии, навигации, минералогии, медицине, архитектуре и прочим отраслям знаний. Другая важная часть библиотеки на русском языке состоит из книг по философии, правоведению, политической экономии, статистике, истории, географии. Сюда же входят жизнеописания и «путешествия». Не очень широко, но все же заметно представлена словесность: пособия по грамматике, поэмы, повести, комедии, трагедии, правила красноречия и «труды разных обществ». Обращает на себя внимание список периодических изданий: все известные журналы, влияющие на вкусы и общественные настроения читающей публики, включены в библиотеку декабриста. И здесь же – первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену».

На многих книгах сохранились карандашные пометы Г.С. Батенькова, которые позволяют представить глубину проникновения в художественный или научный текст, характеризуют реакцию на прочитанное. Есть книги с владельческой надписью декабриста. Те и другие «дают в руки исследователя богатейший материал», показывая формирование взглядов оригинального мыслителя, поэта, общественного деятеля, отражая «процесс духовного становления» яркого представителя эпохи [18. С. V–VI]. Книги помогали Г.С. Батенькову в его сложных духовных поисках, давали знания о мире и, что особенно важно, служили основой нравственного и духовного развития. Он «не был простым накопителем книг, как многие записные библиофилы прошлого ... Читал он обычно с карандашом в руках, делая пометки», и не имел ненужных книг [19. С. 6]. Сказанные о В.А. Жуковском, слова эти можно, безусловно, отнести в адрес Г.С. Батенькова, преклонявшегося перед талантом первого русского романтика.

Богословский раздел библиотеки отчетливо показывает темы, созвучные интересам сибиряка-декабриста: христианская мораль, «рассуждения» и «беседы» о душе, вечных истинах, божественной воле. Сюда входят Библия и псалмы, книги Фомы Кемпийского, сочинения митрополита Филарета, Евстафия Станевича, Феофана Прокоповича, архиепископа Иринея. Книги, которые дают образец любомудрия, являют высокий уровень духовного прозрения, к которому стремился Г.С. Батеньков. Он постигает эту литературу с пользой для себя: даже в равелине, когда все книги заменяла одна Библия, он думает с неослабевающим напряжением, совершенствуя духовное свое развитие. «Мыслить философски без связи с наукой и философией, без книг и живого слова было тяжело» [19. С. 56], но Г.С. Батенькову это удается, во многом, благодаря полученному прежде духовному опыту.

Именно там, в заточении, «внезапным осиянием ума» он понял, какое ему «свойственно богопознание и верование» [3. С. 97], и выстроил для себя новые приоритеты. С того времени Писание, и только оно, вместившее достоинства «литературы мысли» и «литературы чувства», вместе взятых, стоит на вершине интересов Г.С. Батенькова. Хотя и философия сохраняет прежнюю притягательность: подчеркнутое внимание к философским вопросам не противоречит новому пониманию собственной миссии, стремлению донести свой «крест» до конца. Среди книг по философии, которые имеются в библиотеке Г.С. Батенькова, необходимо упомянуть «Метафизику» Баумейстера, «Сокращенную историю философии» Бруккера, книгу Караччоли «Разговоры с самим собой». Из переписки узнаем, что Г.С. Батенькова в молодые годы интересовала «Божественная философия» французского мистика Дю-Туа, и что он занимался переводом книги Буланже «Древность, открываемая через обычаи и обряды» [8. С. 79, 104].

Своеобразно проявляются вкусы и пристрастия декабриста-поэта в сфере изящной словесности. Круг чтения и здесь довольно широк, но рассматривать его читательские интересы на основе литературного собрания, которое отличает некоторая пестрота и несоразмерность, значительно труднее. В библиотеке Г.С. Батенькова видим мало значащие переводные сочинения Ле Сажа, Делиля, Пиго-Лебрюня, образцы «напыщенной» поэзии В.П. Петрова, незатейливую прозу В.С. Филимонова. И тут же встречаем собрания сочинений Н.М. Карамзина и М.В. Ломоносова, альманахи «Полярная звезда» и «Северные цветы», где публиковались произведения А.С. Пушкина, что соответствовало духовным запросам владельца библиотеки. «В истории ... литературы Батеньков видел три вершины, три «шпиля», по его выражению: это Ломоносов, Карамзин, Пушкин, – указывал Т.Г. Снытко. – Каждый из них был главною русской литературы в определенный период ее развития» [20. С. 312].

Большое влияние на умонастроение декабриста оказали труды историков, записки о древностях, жизнеописания «знаменитых мужей». Во время следствия он признавал: «Первые мысли о выгодах свободного правления ... получил я во время обучения истории. Древние греки и римляне ... сделались мне любезны, но природные мои склонности влекли к занятиям другого рода: я любил точные науки ...» [21. С. 93]. Любовь к математике уживалась с другими интересами: на книжных полках Г.С. Батенькова стояли сочинения Тацита, Милота, Плутарха, трехтомное «Описание Еллады». Центральное же место в историческом разделе занимала, бесспорно, одиннадцатитомная работа Н.М. Карамзина, которой восторгались современники. Вместе с тем Г.С. Батеньков оставался сибиряком, «Сибирь ... сыграла исключительную роль в формировании культурно-исторической, религиозно-философской, эстетической концепции Батенькова» [22. С. 39]. Рядом с «Историей государства Российского» у него находилась «Сибирская история», Фишера, а в иностранной части библиотеки, просмотрев опись, нетрудно обнаружить труды Палласа.

Вообще говоря, книги на иностранных языках, преимущественно французских авторов, столь же важны при рассмотрении духовных ориентиров декабриста, его устремлений в сфере «литературы мысли» и «литературы чувства». В совершенстве владея французским и немецким языками, неплохо зная английский, латинский, древнегреческий языки, Г.С. Батеньков мог свободно знакомиться с издаваемыми за рубежом работами. Читал в подлиннике Шатобриана, Вольтера, Декарта, Давида Юма, г-жу де Сталь и Адама Смита, произведения Стерна и Ларошфуко. И с бессмертным романом Сервантеса познакомился благодаря французскому изданию, именуя себя в одном из писем «дон Кишотом в горах Сиерры Морены» [8. С. 133]. Говоря об политических взглядах Г.С. Батенькова, исследователи отмечали влияние, которое оказали на него труды английских мыслителей. В конце 1825 г., по собственном признанию, он «читал две книги: 1. господина Тьери о завоевании Англии норманнами, 2. госпожу Сталь ...» [21. С. 101].

Оказавшись на поселении и придя в себя после двадцатилетнего заточения, декабрист вновь проявляет интерес к печатному слову. Пользуется книжными собраниями золотопромышленника И.Д. Асташева и губернатора П.П. Аносова, читает газеты, журналы, отечественные и зарубежные издания. Постепенно формирует свою библиотеку, которая в 1857 г. перешла к М.А. Бакунину. «Книги читаю охотно, – сообщает Авдотье Елагиной, – но, не имея возможности проследить всё, что было до меня, стараюсь приводить к общим понятиям ... читаю с равным участием и старое и новое» [23. С. 233]. Библиотеку Г.С. Батенькова «ссыльной» поры высоко оценивал Г.Н. Потанин, посвятивший сибиряку обстоятельную работу. Даже после равелина, подчеркивал он, декабрист «не потерял духовную энергию и продолжал живо интересоваться наукой и литературой», составив «хорошую библиотеку из ценных книг» [24. С. 71].

Рассуждения о литературном процессе, демократизации образования, художественном даре Н.В. Гоголя, которые находим в письмах «томского десятилетия», свидетельствуют о напряженной внутренней работе Г.С. Батенькова. Книги, как раньше, поддерживают его духовную энергию, направляют и стимулируют мысль, расширяют кругозор. Он много думает о назначении человека, свободе и необходимости, сущности бытия, его волнуют нравственные проблемы, беспокоят черты «железного века». В этих условиях писатель, по его мнению, должен глубже исследовать внутренний мир человека: Н.В. Гоголь интересен, прежде всего, тем, что «странствовал в себе, а такие туристы ... крайне редки» [25. С. 316]. Подобные требования к литературе, несомненно, накладывали отпечаток на выбор книг. Но целостного впечатления о томской библиотеке Г.С. Батенькова, в отличие от петербургской, получить невозможно: «часть своих книг ... Батеньков передал в гимназию», а «более популярные издания могли быть подарены» томичам [16. С. X].

И тем не менее, на основании имеющихся данных можно судить о читательских интересах «позднего» Г.С. Батенькова, связывая их с особенностями мировоззрения. Материал, который содержит «опыт реконструкции» батеньковских библиотек, позволяет проникнуть в сложный внутренний мир декабриста, увидеть направление научных и литературных интересов. Личная библиотека «дает очень многое для понимания идейного, общественного, эстетического генезиса» любого творчества. «Это один из самых значительных реальных источников изучения» [26. С. 14] идейных взглядов, философских воззрений, эстетических установок человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русских дворян XVIII – начала XIX века. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 400 с.
2. Декабристы рассказывают. Сост. Э. Павлюченко. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 335 с.
3. Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. – М.: Изд-во Всес. общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. – Т. II. – С. 88–112.
4. Книжное дело в первой половине XIX века // Яковкина Н.И. История русской культуры. XIX век. – СПб.: Лань, 2002. – С. 91–113.
5. Пушкин А.С. Письма // Полное собрание сочинений в X томах. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – Т. X. – 894 с.
6. Сахаров В.И. Иероглифы вольных каменщиков (масонство и русская литература XVIII – начала XIX века). – М.: Жираф, 2000. – 214 с.
7. Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1907. – 423 с.
8. Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толя / Под общей ред. Б.П. Козьмина. – М.: Изд-во Библиотеки им. В.И. Ленина, 1936. – 352 с.
9. Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840 гг). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 302 с.
10. Декабристы / Под общей ред. В.В. Бонч-Бруевича. – М.: Изд-во Гос. литературного музея, 1938. – Кн. III. – 562 с.
11. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ (Русские общественные объединения первой трети XIX века). – М.: Пресс-релиз, 2003. – 651 с.
12. Барер И. Сперанский и его реформы // Исторический журнал. – 1938. – № 8. – С. 65–72.
13. Сабуров А.А. Декабрист Г.С. Батеньков // Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толля. Под общей ред. Б.П. Козьмина. – М.: Изд-во Библиотеки им. В.И. Ленина, 1936. – С. 11–47.
14. Кацнельсон И.С. Неизвестная книга декабриста Г.С. Батенькова // Декабристы. Новые материалы. Под ред. М.К. Азадовского. Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. – М., 1955. – С. 323–336.
15. Котляров Г.М. Арест декабриста Г.С. Батенькова (по неизданным материалам) // Былое. – 1925. – № 6 – С. 13–29.
16. Лобанов В.В. Библиотека Г.С. Батенькова (опыт реконструкции). В 3-х ч. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993. – Ч. 1 – 127 с.
17. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина // Модзалевский Б.Л. «Пушкин и его современники». Избранные труды (1898–1928 гг.). – СПб.: Искусство-СПб, 1999. – 566 с.
18. Канунова Ф.З. От редактора // Лобанов В.В. Библиотека Г.С. Батенькова (опыт реконструкции). В 3-х ч. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993. – Ч. 1. – С. V–VI.
19. Зверев В.М. Декабристы и философские искания в России первой четверти XIX века. // Декабристы и русская культура. – Л.: Наука, 1976. – С. 38–64, 335 с.
20. Снытко Т.Г. Г.С. Батеньков – литератор // Декабристы-литераторы. Под ред. В.В. Виноградова. – М.: АН СССР, 1956. – Т. 60. – Кн. 1. – С. 289–319.
21. Восстание декабристов. Документы. Под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Наука, 1976. – Т. XIV. – 508 с.
22. Канунова Ф.З. Томск в литературной судьбе Г.С. Батенькова // Русские писатели в Томске. – Томск: Водолей, 1996. – С. 39–58.
23. Батеньков Г.С. Сочинения и письма в двух томах. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. – Т. I. – 523 с.
24. Потанин Г.Н. Гавриил Степанович Батеньков // Сибирские огни. – 1924. – № 2. – С. 66–75.
25. Статья Г.С. Батенькова, написанная в связи с сообщениями о выходе в свет второй части «Мертвых душ» Гоголя // Декабристы-литераторы. Под ред. В.В. Виноградова. – М.: АН СССР, 1956. – Т. 60. – Кн. 1. – С. 316–318.
26. Канунова Ф.З. Некоторые проблемы изучения библиотеки В.А. Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. – Томск: ТГУ, 1978. – 528 с.